

СПРАВЕДЛИВЫ ЛИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННЫХ НАЦИЙ?

Начнем с определения смысла интерпретаций основных понятий статьи, в которой они будут использоваться далее. Итак, на наш взгляд, этнос – архаическая структура организации человеческих обществ, исторически предшествующая современным нациям, которые в теоретической литературе используются как синонимы современных государств (nation state). И этнос, и нация несмотря на множество существующих в научной литературе определений и того, и другого не обладают объективными, очевидными для всех наблюдателей характеристиками. Эти понятия являются политико-идеологическими, категориально размытыми. Речь идет лишь о воображаемых сообществах, конечным доводом к существованию которых является не паспорт, антропометрические характеристики, гражданство и т.д., но вера конкретных индивидов в их принадлежности к тому или иному сообществу, называемому этносом или нацией. Как в свое время отметил Э. Ренан, нация в конечном итоге является результатом каждодневного плебисцита граждан. И более фундаментальных оснований для наций придумать невозможно.

По мнению автора, отнюдь не случайное воскрешение этнической риторики в наше время обусловлено вовсе не возросшим самосознанием этносов, их новым «возрождением» в рамках уже существующих наций. Этническая проблематика в пространстве современных наций-государств играет важную, но лишь функциональную роль. Она представляет удобное средство для легитимации и морального возвышения частных и особенных (коллективных) политических интересов, их противопоставления всеобщему политическому интересу, который призвано выражать гражданское общество и/или нация-государство. Сегодня, в условиях кризиса модернистских наций-государств, происходит трансформация привычных ранее форм политической идентичности. В рамках поли-

* *Мартьянов Виктор Сергеевич* – ученый секретарь ИФиП УрО РАН, кандидат политических наук. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента № МК-953.2005.6 и гранта РГНФ № 05-03-83300а/У.

тического модерна человек считал себя прежде всего представителем таких общностей социального, экономического и идеологического порядка, как государство, нация, «средний класс», рабочие, предприниматели и т.п. Предполагалось, что европейская цивилизация создала универсальную форму нации-государства, к которой так или иначе будут эволюционировать все прочие формы государственности.

Однако Новейшая политическая история опровергла этот тезис. Нация-государство все более опирается в высокие стены своей исторической и цивилизационной граничности, не позволяющей ей распространиться на все человечество в целом. Более того, начинают «трещать по этническим и конфессиональным швам» уже существующие нации-государства. Наиболее разрушительным этот процесс оказался в странах бывшего социалистического блока. В более мягкой степени процессы этнизации наций-государств затронули европейские страны и США. В странах «первого мира» они проявились в виде неспособности стареющих наций интегрировать потоки трудовой эмиграции и размывании их этноконфессионального ядра в результате демографического застоя. В условиях кризиса модернистских наций-государств последние все более уступают место ключевому политическому субъекту субнациональным (этнос) и транснациональным (глобальные корпорации) политическим субъектам. Если ранее источником суверенитета государства являлся монарх как представитель божественного порядка на земле, то со временем источник суверенитета демократических государств стали связывать с общественным договором граждан, составляющих нацию-государство. Различие в том, что авторитет монарха священен, в то время как договор может подлежать периодическому пересмотру. В результате сегодня право суверенитета начинают усматривать и у этносов, и у транснациональной корпорации (ТНК).

В итоге политическая нация без тотализирующей «национальной идеи», будь то священный авторитет монарха или общественный договор, перерождается в совокупность частных корпораций, таких как транснациональные гиганты, мелкие фирмы, армия, церковь, университет и т.п. Рецепт нации-государства как «правильного котла» этносов, культур, языков и религий оказался опровергнут примером многих стран. Одной из ведущих форм кор-

поративной идентичности становится этнос. Архаическая этническая риторика, выражаемая на языке политической мифологии через категории земли, крови, братства, исторического нарратива, оппозиции «мы-чужие», вытесняет рационализирующие политику модернистские идеологии. Вместе с тем этническая идентичность, трактуемая как подлинность, в современной политике является мнимой, поскольку ни один этнос не собирается вновь возвращаться к временам, когда кровнородственные и антропометрические факторы человеческой общности перевешивали социальные факторы. Этнос сегодня приобретает политическое звучание, вторгаясь в сферу «политического». В условиях упадка идеологий и разрушения наций-государств этнос и все его производные понятия становятся эффективным конструктивистским мифом, предназначенным для достижения политических, а отнюдь не собственно «этнических» целей. Согласно нормам международного права, нация является синонимом государства. Организация Объединенных Наций (ООН) является объединением именно государств, то есть «огосударственных народов», а не этносов. Соответственно политической амбицией этноса в системе современного «этнического мифа» является претензия на создание «этнического государства». При этом на второй план уходит то обстоятельство, что территория планеты Земля давно поделена между нациями-государствами. Поэтому образование новых «этнических государств» возможно только силовым путем, через гражданскую войну, сепаратизм и развал существующих наций.

В настоящее время в мире по разным подсчетам существует от шести до десяти тысяч этносов и лишь около двухсот государств. При этом сами критерии выделения этноса в современной науке являются субъективными и размытыми. Примордиалисты считают, что этническая принадлежность есть нечто самоочевидное для индивида, объективно ощущаемая им «природа». Однако подобные критерии скорее мифологичны, чем научны. Принадлежность индивида к этносу ничем, кроме глубоко субъективного убеждения, формально не удостоверяется, расселение его представителей не имеет четких территориальных границ. Сегодня на земле не осталось территорий, где компактно проживал бы один этнос, за исключением, может быть, Японии. Напомним лишь, что все современные нации-государства являются мультиэтническими.

Различие лишь в количественной степени этнического разнообразия. Более того, «моноэтнических государств» в чистом виде никогда не существовало, эта идеологема никогда не была реализована в политической практике по одной простой причине – в историческом аспекте государства вытесняли архаические племена-этносы. Поэтому идея «этнической государственности» является по определению самопротиворечивой. Поскольку современные нации полиэтничны, популистское «заигрывание» власти с этническим сознанием является «игрой с огнем». Лишь когда гражданская идентичность человека вытесняет на второй план его этническую идентичность, можно говорить о складывании нации-государства. Запуск обратного процесса разрушает нации-государства.

Формирование гражданской нации предполагает растворение входящих в нее этносов, путем поднятия уровня политической идентичности с этнической до национально-государственной. Нация уравнивает политические права не этносов (которые с образованием нации не могут претендовать на политические права), а граждан, входящих в состав нации. Нация – это *результат* гражданско-политического самоопределения. Поэтому проблема «этнического самоопределения вплоть до отделения» в рамках нации вообще является ложной проблемой. Этнос в рамках нации-государства не может быть коллективным политико-правовым субъектом, но только культурно-историческим. Современные государства существуют лишь как нации, либо стремятся к этому. Нации-государства полиэтничны. Мультикультурализм, пропагандируемый постмодернистами, проблемы мирного сосуществования этносов в рамках нации-государства не решает. Это подтверждают последние события во Франции, которые могут стать одной из первых искр грядущих пожаров. Государство, в котором этносы не объединены в политическую нацию общим национальным интересом и надэтнической идеологией – политически нежизнеспособно. Поэтому мультикультурализм здесь легко обращается в этнонационализм и сепаратизм, а политкорректность выступает способом как замалчивания, так и обострения этнонациональных проблем.

Таким образом, обобщая сказанное выше, можно заключить, что этнос и нация как ключевые понятия этнополитики вовсе не являются бинарной оппозицией терминов-антагонистов. Эти понятия исходят из принципиально разных исторических эпох, также

как и базирующиеся на конструктивистских или эссенциалистских подходах концепции nation-building. При переводе этнопроблематики в практическую плоскость, как это ни парадоксально на первый взгляд, отсутствие регулирования в сфере межэтнических отношений зачастую является «меньшим злом», чем их регуляция на основе существующей этнонациональной политики в России, выстроенной в примордиалистской парадигме. Очевидно, что оформление России как нации-государства требует выведения этнического за пределы политического и правового пространств. Этнизация политики и права провоцирует реальные политико-правовые конфликты, так как этнонационализм как теоретический язык политики априори конфликтен с реальностью современных наций-государств. Однако теория этнонационализма является удобным материалом для конструирования объяснительных политических схем бинарного характера, превращая научное знание о политике в набор мифологем. Этнонационализм претендует на проникновение к некой последней и исконной «сути вещей», оперируя представлениями о характерах, предназначениях, идеях и качествах представителей того или иного этноса, что неизменно выливается в набор этнонациональных анекдотов и (авто-) стереотипов.

Если обратиться к российскому опыту, то фактически признание политических прав этносов приведет к превращению национально-территориальных субъектов в *моноэтнические* государства со своим суверенитетом, территорией, гражданством, конституцией и другими атрибутами и символами государства. Подобное самоопределение лишает данного права другие этносы, проживающие на той же территории, параллельно разрушая сложившееся государство. Это прямо противоречит нормам международного права о приоритете границ существующих государств над границами этнических ареалов¹. В связи с этим единственным прочным

¹ Любым государствам свойственно с течением времени возникать и распадаться, а политическая карта мира является самой изменчивой из всех его карт. Автор отдает себе отчет в том, что «плох тот этнос, который не мечтает стать суверенной нацией». Однако в данной статье речь идет о нормативном плане политики, о том, какой она должна быть, то есть императивах, целях и приоритетах, с точки зрения интересов большинства «россиян» в долгосрочной перспективе. Причем эта перспектива исходит из сложившегося в России «здесь и сейчас» этнополитического статус-кво.

основанием современной государственности может быть только национальный суверенитет, где акцент переносится с этнической на политическую (территориально-государственную) общность, включающую в себя всех граждан государства, этническая принадлежность которых не имеет политического измерения. Естественно, что национально-территориальные образования в составе РФ трактуются их апологетами как форма политического самоопределения этноса. Но дело в том, что территория России уже является местом самоопределения российской нации, в первую очередь как политической, гражданской общности. Поэтому любое «вторичное» политическое переопределение по этническому признаку российскую нацию разрушает. В западной традиции политической мысли национальная политика тождественна государственной политике, основанной на национальном (государственном) интересе общества в целом, представляемого как политическая (гражданская) нация. Соответственно национальные отношения являются отношениями между нациями-государствами. В России национальная политика, как правило, описывается в советской традиции как сфера регулирования межэтнических отношений в государстве, являющейся предметом этнополитики. Здесь «национальное» обычно тождественно «этническому».

История XX в. весьма наглядно и на многочисленных примерах доказала, что этнонациональное государство, где «политическое» полностью совпадает в своих границах с «этническим», как политическая форма решения национального вопроса не только этот вопрос не решает, но и обостряет до крайности. Признание большевиками «права наций¹ на самоопределение»² диктовалось скорее тактическими соображениями В. Ленина по привлечению на свою сторону национальных окраин Российской империи, нежели убеждениями, так как дробление государств противоречило исторической фазе тогдашнего империализма. Здесь можно возразить, что стремление большевиков даровать возможно большему

¹ На самом деле, в ленинских работах под нациями часто подразумевались и этносы, а сама категория нации имела предельно расплывчатый характер идеологемы.

² *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. М., 1961.

числу этносов звание наций – это вполне объяснимое стремление предоставить возможно большему числу людей полноту прав, то есть совершенно последовательная модернистская стратегия. Но с другой стороны – права этносов начинают входить в противоречие друг с другом, возникает неравенство прав, «позитивная дискриминация» представителей тех или иных этносов в рамках наций. Поэтому в начале 1930-х гг. от этой идеи было решено отказаться, а право наций на самоопределение стало трактоваться как буржуазный ревизионизм¹.

Тем не менее, именно этой позиции было суждено надолго закрепиться в качестве официальной точки зрения на национальный вопрос в советский период. В то время ленинский рецепт диктовался утопией интернациональной классовой солидарности трудящихся, которая должна быть выше этнических интересов, отрицанием национальных (буржуазных) государств и грядущей мировой революцией, стирающей все различия. Поскольку ни одно из этих условий не сбылось, социалистические государства, построенные на этнотерриториальном принципе, существовали лишь тогда, когда реальная власть находилась не у официальных государственных органов – «власть советов», – а в руках централизованной партийной вертикали. Как только эта вертикаль в силу ряда причин стала недееспособной, асимметричные, этнонациональные государства оказались нежизнеспособны политически и стали саморазрушаться (Югославия, Чехословакия, СССР).

Политизации этничности способствовал и ложный перенос либеральной идеи о всеобщем равенстве прав с отдельных граждан нации-государства на этносы как субъектов коллективных политических прав. В Российской Федерации ситуация усугубляется смешанным (территориальным и этническим) принципом выделения субъектов РФ, когда ряд этносов получает политический псевдо-суверенитет. Между тем в современной теории государства и права устоялась теоретическая позиция, согласно которой политический суверенитет государства един и неделим. Поэтому «двойной суверенитет» РФ и этнонационального субъекта РФ является противоречием по определению: «государства в государстве» по

¹ Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. С. 49-51.

принципу матрешки существовать не может. Тем не менее попытки апологетики концепции политического суверенитета этносов в рамках суверенитета нации не прекращаются, несмотря даже на тот факт, что провозглашение политического суверенитета любого субъекта РФ противоречит ст. 4 п. 1 Конституции России: «Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». Следовательно, в составе нации этносы могут претендовать только на экстерриториальную автономию. Ориентиром здесь может выступать концепция национально-персональной автономии, разработанная в начале XX в. австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром¹. Политический суверенитет любого субъекта РФ в отношениях с федеральными органами власти невозможен, так как указывает на принцип межгосударственных отношений, отсылающий к международному праву. Этнонационализм содержит аксиому о тождестве нации и этноса.

Итак, распад практически сложившейся нации – «советского народа» – привел к системному кризису политической идентификации. Произошел закономерный распад «российского населения»² на множество субнациональных групп, противопоставляющих себя в категориях мы – они, наши – чужие (враги). Следует отметить, что в советский период несмотря на создание идеологической общности «советский народ» предпосылки этнической фрагментации не были устранены, но лишь отодвинуты на второй план монополярной коммунистической идеологией. Ошибкой была попытка создать «советский народ» как совокупность автономных и неделимых этносов, где последние в классических либеральных традициях стали субститутами неделимых индивидов с их неотъемлемыми правами. В результате этнополитического переосмысления классических концепций общественного договора этносы были превращены в некие искусственные, неделимые субъекты политических прав. После того, как реальная партийная вертикаль управления страной перестала функционировать, общество оказалось в идеологическом вакууме. Попытки наспех сконструировать политическую нацию «россиян» успехом не увенчались, процесс на-

¹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909.

² Именно населения, а не российской нации, являющейся целью, которую еще нужно достичь.

цистроительства застопорился. «Россияне», исторические наследники «православных» и «советских», явились крайне неэффективной попыткой наименования новой гражданско-политической нации. Проблема в том, что функцию именованного народа в целом обычно выполнял этноним «русские». За пределами России эта функция остается за ним до сих пор. Гражданский, а не этнический характер «русского» проявлялся уже в его определении как подданного Российской империи. Превращение русских в этноним было произведено лишь в XX в. большевиками, когда национальная принадлежность вытеснила прежнюю базовую идентичность вероисповедания. Сегодня можно признать очевидным тот факт, что конструктивистская идентичность «россияне», официально внедряемая последние 15 лет, не смогла выполнить функции ведущей идентичности, сплачивающей население России в политическую нацию.

Актуальное возрождение этнонациональной проблематики в постсоветской политике во многом связано с тем, что этническое стало своеобразным эрзацем классового. В этнонационализме на смену таким ключевым субъектам политики и истории как сословия, касты, классы, индивиды приходят этносы как коллективные субъекты общественных отношений. Этнонационализм предстает как попытка объяснить социальное неравенство посредством не классовых, то есть социально-экономических, а этнокультурных различий¹. Здесь современная этнополитика в своей примордиалистской парадигме лишь подхватывает конструкцию понятий советского официоза, замещая классовые категории этническими, но не касаясь самой логики изложения. Этнонационализм титульных элит в 1990-х гг. проявил себя как эффективный инструмент давления на федеральный центр в условиях сложившегося ассиметричного федерализма. Тем не менее, в настоящий период этнонационализм как политический ресурс теряет былую эффективность и маргинализируется. Российская политика все менее окрашена в этнические тона, а этническая идентичность все менее связана с идентичностью политической. Многие исследователи даже начали говорить о процессе де-этнизации российской политики. Напри-

¹ Соколов М.М. Классовое как этническое: риторика русского радикально-националистического движения // Полис, 2005. № 2. С. 131-135.

мер, О.Г. Буховец утверждает, что постсоветский этнонационализм является временным всплеском, который в условиях современного российского модерна обречен на скорое забвение¹. Де-этнизация действительно является одним из следствий усиления властной вертикали и свертывания региональных публичных политик. Этнонационализм во многом «выработал» свой центробежный ресурс, уступив актуальной централизации федеративных отношений в России. Однако говорить о его окончательном поражении – значит выдавать желаемое за действительное.

Дело в том, что основным фактором, порождающим этнические конфликты в современном государстве, является не естественная неприязнь этносов, а целенаправленная политическая проблематизация возможности этих конфликтов: «Этническая конфликтность, вызываемая столкновением «этнических интересов» и внешними манипуляциями, предстает как квазиприродная *стихия* и с этой точки зрения – как «естественное», объективно данное состояние межэтнических отношений. В этом смысле власть в принципе не несет ответственности за возникновение конфликтов. Поскольку этнические конфликты угрожают безопасности общества и государства, последнее обязано принять вызов и заняться укрощением *стихий*»². При этом риторика «предотвращения конфликта» и «обеспечения межнационального согласия» может быть использована для прямо противоположных целей – «легализации дискриминационных практик»³.

Безусловно, изложенные выше соображения могут быть подвергнуты обоснованной критике. Однако с точки зрения «высокой теории», они могут быть таковы. Во-первых, оценка концепции этнического самоопределения в рамках национального государства как «ложной» является оценочным суждением, свидетельствующим о политической ангажированности автора. Так ли уж она ложна? Согласно доводам Л. Фишмана возражения могут быть обоснованы тем, что все национальные государства Запада осознали себя таковыми,

¹ Буховец О.Г. О временных ресурсах постсоветского этнонационализма // Полис, 2005. № 2. С. 140-142.

² Осипов А. Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // Расизм в языке социальных наук. СПб.: Алетейя, 2002. С. 115.

³ Там же. С. 116.

когда был поднят вопрос о гражданских правах в их *полном* объеме, в результате цикла буржуазных революций. В процессе революций священный суверенитет монарха, распространяемый на весь народ, был заменен на более легитимную и прогрессивную трактовку суверенитета как негласного общественного договора граждан государства. Иными словами, *полноправные* граждане стали решать, при каком режиме им жить. Собственно, момент этого решения и есть момент осознания себя нацией. Подданный, например, может обладать не меньшим, а то и большим объемом личных гражданских прав, чем гражданин демократической республики, кроме одного: права устанавливать форму правления. Подданническое самосознание может эволюционировать в национальное как постепенно, по мере возрастания влияния народа на форму и приемы правления (Великобритания), так и революционно (Франция, Россия). Поэтому исторически процесс национализации выглядел так: французы получили свои права как только осознали себя французами, американцы – американцами, немцы – немцами – и т.д. В полном соответствии с теорией общественного договора так стало именовать себя сообщество граждан, обладающее суверенитетом, то есть *всем* объемом прав. И здесь, с точки зрения примордиализма, этническое самообозначение – первое, что приходит на ум. В условиях полиэтничного государства группы, которые по культурным причинам ощущают себя отличными от большинства, также хотят обладать полнотой прав. В этом они лишь подражают титульной нации. Но подобное действие (по неоднократно проверенной схеме), *осуществляемое уже в рамках национальных государств*, порождает искомые феномены сепаратизма и этнонационализма. Здесь для легитимации сепаратизма и этнонационализма в примордиалистской парадигме осуществляется отождествление прав гражданина и прав этноса. Права этноса обосновываются с точки зрения дискриминации политических прав граждан, входящих в состав этого этноса. Но восстановление этих прав де-факто означает разрушение нации в ее уже существующих границах. Поэтому любое государство, сколь бы демократическим оно ни было, преследуя этнонационалистов, отрицает их «право на полноту прав», отрицает их желание иметь государство для своей этнической группы, *право вообще называть себя нацией*: «не доросли еще». Можно возразить: когда-нибудь дорастут и силой заставят признать за собой «право на полноту прав», как это уже не один раз случалось. Вполне возможно, что и

так. Однако речь идет о принципах национально-государственной политики не «для кого-то и неизвестно когда», а для баланса реальных сил «здесь и сейчас».

Поскольку вопрос о политико-этническом самоопределении ведет к подрыву сложившихся государств, в большинстве случаев он переформулируется в другую проблему – в вопрос объема гражданских прав. То есть считается, что представители этнических меньшинств не в полном объеме получают гражданско-политические права, связанные с потенциальной невозможностью этносов-меньшинств преобразоваться в результате самоопределения в отдельное государство и получить политический суверенитет. Как нечто само собой разумеющееся этнополитические парадигмы предполагают, явно или косвенно, право этносов на политическое самоопределение в рамках уже существующих наций-государств, что не менее последовательно отрицается официальными идеологиями этих наций.

Итак, предельная проблема в данном случае выглядит следующим образом – можно ли найти способ не связывать полноту гражданских прав с этничностью и национальностью. В рамках современного национального государства это означает «искусственное прерывание самореференции» – произвольное установленное ограничение. Аксиома этого ограничения такова – национальное государство граждан уже существует с гарантированными для всех граждан одинаковыми правами. Иными словами, хочешь изменить форму правления или добиться политического самоопределения – добивайся этого в существующих рамках, то есть добивайся согласия большинства. Хочешь наслаждаться всеми правами – так все условия для этого уже созданы.

История доказывает, что искусственное ограничение нередко снимается силой. Можно поставить над национальным государством или над этносами императора. Тогда все будут присягать ему, а он также поклянется в верности своему долгу. В сущности имперское решение национального вопроса заключается в наличии альтернативного национальному источнику суверенитета. Если все права проистекают только от народа, нации – этнонационализм неизбежен. Если существует другой суверен, наделяющий правами – император – тогда претензия любой нации на полноту прав беспочвенна. Проблема в том, что обосновать необходимость такого альтернативного источника сувере-

нитета, в настоящее время уже не представляется возможным. Божественное право королей давно проиграло битву за историю теориям общественного договора. Единственный путь – в добровольном отказе народа-суверена от полноты прав в пользу суверена-императора, отказа осуществляемого на основаниях примата чести над правом. Но вероятность подобного политического решения в современных нациях-государствах близка к нулю.

* * *

Итак, во-первых, основной аксиомой данной статьи был приоритет стабильности существующих «здесь и сейчас» наций-государств и соответственно средств, которые эту стабильность обеспечивают над прочими приоритетами. В данном случае стремление сделать лучше «для будущего» или для восстановления якобы попорченной «исторической справедливости» обычно оборачивается тем же, чем всегда – этнонациональными конфликтами, вопреки всем благим пожеланиям. То есть большим злом. На самом деле альтернативы демократических наций-государств немногочисленны: а) империя с понятием подданства; б) стратегия «плавильного тигля»; в) этнические чистки. В случаях: а) возврат к имперской истории невозможен, а если возможен, то не иначе как фарс; б) опыт России, стран ЕС и США доказал, что «плавильный тигель» есть утопия, а процессы развала современных наций различными меньшинствами постепенно начинают брать верх над механизмами ассимиляции этих меньшинств; в) вопрос политического самоопределения снимается вместе с ликвидацией субъекта этих возможных прав, что является неприемлемой (за исключением экстремистов разных мастей) альтернативой современности, то есть сохранения политического (суверенного) статус-кво имеющихся наций.

Автор исходил в данной статье из обнадеживающей и в меру оптимистической посылки, что Россия находится в периоде формирования зрелой гражданской (политической) нации. Условием успешного построения нации-государства является «деполитизация этнического» в российской политике. Советский (и мировой) опыт «огосударствления этносов» показал свою бесперспективность в практике современных полиэтничных государств, став одной из причин развала СССР. Тем не менее примордиалистская парадигма остается теоретическим оружием этнонационализма,

выступающего в настоящее время в виде различных «политкорректных» версий мультикультурализма. Однако вопреки заявляемым целям политкорректная риторика, как правило, лишь обостряет межэтническую напряженность и консервирует этноцентристские стереотипы и идентичности, приписывая им фундаментальный характер. Поэтому условием стабильного существования современной нации является поддержание правильной иерархии идентичностей. В этой иерархии, по определению, на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической.

Опыт бывших социалистических и нынешних «развитых стран» со всей очевидностью доказывает, что политика привилегий (иначе называемых «позитивной дискриминацией») для меньшинств (этнических, конфессиональных, языковых и т.п.), принятия государством перед ними неких эксклюзивных обязательств (правовых и моральных) не решает тех исходных задач, ради которых эти шаги предпринимаются. Наоборот, подобная эксклюзивность лишь провоцирует фрагментацию современных полиэтнических сообществ, препятствуя их интеграции в политические нации. Выделение каких-либо групп, обладающих большим объемом прав и привилегий, чем любые другие граждане является первым шагом к политизации «национального вопроса» и этнонациональному конфликту. Представляется, что условием сохранения большинства современных наций является выстраивание справедливой шкалы интересов, где всеобщий политический интерес может выражать лишь вся совокупность граждан, через институты гражданского участия, выборы, референдумы и законы. Собственно гарантия этого интереса и удерживает от распада нации-государства. Соответственно, интересы различных групп и меньшинств, являясь частными и особенными, не могут претендовать на сферу политического (всеобщего). Допуск таких интересов в политическую область неизбежно ведет к эрозии обществ, более не способных обеспечить собственный национальный (государственный, политический) интерес.